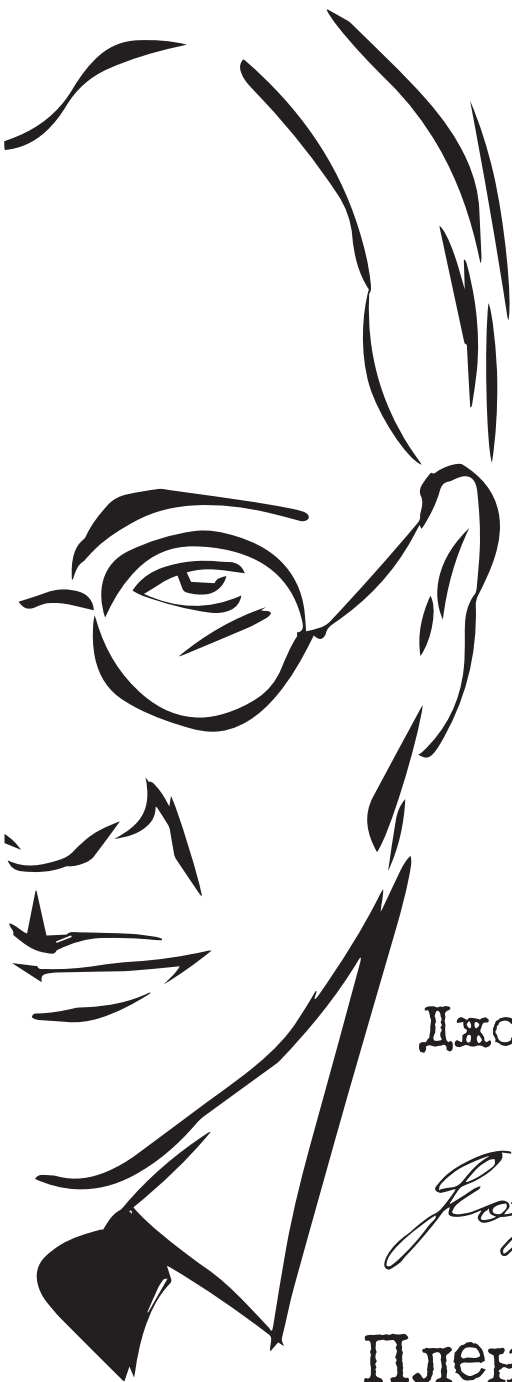

Джордж Сильвестр
Вирек

George S. Virek

Пленники утопии

Джордж Сильвестр
ВИРЕК

Пленники утопии

Советск«ая Россия
глазами американца

Перевод М. А. Ковалева и В. Э. Молодякова

*Составление, предисловие
и примечания В. Э. Молодякова*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2020

УДК 94
ББК 63.3(2)6
В527

Вирек Дж. С.

В527 Пленники утопии. Советская Россия глазами американца / Пер. М. А. Ковалева и В. Э. Молодякова. Составл., предисл. и прим. В. Э. Молодякова. — СПб.: Нестор-История, 2020. — 256 с.

ISBN 978-5-9071-1622-1

В сборник включены впервые публикуемые на русском языке тексты американского писателя и публициста Джорджа Сильвестра Вирека (1884–1962) о Советском Союзе, который он посетил в июле 1929 г., желая собственными глазами увидеть «новый мир». Материалы из российских архивов и редких иностранных изданий раскрывают эволюцию представлений автора о России и СССР — от антиантантовской пропаганды в годы Первой мировой войны до внимания к «великому эксперименту» в 1920-е годы, а затем к отрицанию тоталитаризма, в том числе в советской форме. Критикуя идеологию и политику советской власти, Вирек с сочувствием писал о русском народе, оказавшемся «пленником утопии».

Издание снабжено аннотированным указателем имен и адресовано широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей XX века.

ISBN 978-5-9071-1622-1

© Ковалев М. А., перевод, 2020
© Молодяков В. Э., перевод, составление,
статьи 2020
© Молодяков В. Э., собрание материалов, 2020
© Издательство «Нестор-История», 2020

Содержание

<i>В.Э. Молодяков. Приключения мистера Вирека в стране большевиков.</i>	<i>4</i>
--	----------

I

<i>Россия топчется на месте. Перевод М.А. Ковалева</i>	<i>32</i>
<i>Пленники утопии. Перевод М.А. Ковалева.</i>	<i>64</i>
<i>Пятилетка. Перевод М.А. Ковалева.</i>	<i>95</i>
<i>Вирек едет в СССР. Документы ГАРФ</i>	<i>122</i>
<i>Непобедимый Адам. Глава 44. Перевод В.Э. Молодякова</i>	<i>132</i>
<i>Искушение Джонатана. Перевод М.А. Ковалева</i>	<i>141</i>

II

<i>В.Э. Молодяков. «Полуварварская Россия и дикие славяне Сербии и Черногории»: «Fatherland» против Российской империи (август 1914 — февраль 1917)</i>	<i>154</i>
<i>Ханс Хайнц Эверс. Тень русского медведя. Перевод В.Э. Молодякова</i>	<i>174</i>
<i>Фрэнк Гаррис. Отто Кан и Лев Троцкий. Перевод М.А. Ковалева ...</i>	<i>179</i>
<i>Фрэнк Гаррис. Русские делегаты в Генуе. Перевод М.А. Ковалева ...</i>	<i>191</i>
<i>Вирек — Троцкий: несостоявшееся интервью. Документы РГВА ..</i>	<i>212</i>
<i>Джордж Сильвестр Вирек. Ленин. Перевод В.Э. Молодякова</i>	<i>215</i>
<i>Джордж Сильвестр Вирек. Душа великого князя. Перевод В.Э. Молодякова</i>	<i>216</i>
<i>«Я отвергаю большевизм...». Фрагменты интервью, взятых Виреком, о Советской России и большевизме. Перевод В.Э. Молодякова</i>	<i>230</i>
<i>В.Э. Молодяков. Публикации о Джордже Сильвестре Виреке</i>	<i>235</i>
<i>Указатель имен</i>	<i>238</i>

Приключения мистера Вирека в стране большевиков

В.Э. Молодяков

1.

Соединенные Штаты Америки не признавали большевистский режим и Советский Союз до 1933 г., пока президентом не был избран Франклин Рузвельт. Однако советско-американские отношения в предшествующие годы не только существовали, но и успешно развивались во многих сферах, от внешней торговли до культурных обменов. Их полную, обобщающую историю еще предстоит написать, оставив в стороне избитые конспирологические сюжеты «Уолл-стрит и большевистская революция» и «Троцкий — американский шпион».

Отсутствие дипломатической рутины как будто облегчало отношения, хотя с советской стороны контроль государства над ними трансформировался из плотного в тотальный. Именно под этим контролем американские банкиры, бизнесмены, инженеры и рабочие принимали участие в таких проектах союзного значения, как строительство Днепрогэса, Сталинградского и Харьковского тракторных заводов. Колхозные поля пахали тракторы «Фордзон-Путиловец». Американские концессионеры оживляли советскую экономику, не забывая о своих выгодах¹. Программный сборник Литературного центра конструктивистов назывался «Бизнес» (1929), а предшествовавший ему — «Госплан литературы».

Ничего удивительного, поскольку уже весной 1924 г. Сталин в лекциях «Об основах ленинизма» провозгласил, что «суть ленинизма в партийной и государственной работе» — это

«соединение русского революционного размаха с американской деловитостью». И пояснил: «Только такое соединение дает нам законченный тип работника-ленинца. <...> Американская деловитость является противоядием против “революционной” маниловщины и фантастического сочинительства. Американская деловитость — это та неукротимая сила, которая не знает преград, которая размывает своей деловой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если даже это небольшое дело, и без которой немислима серьезная строительная работа»². Эти слова перепечатывались во всех изданиях «Вопросов ленинизма» — книги, претендовавшей на статус если не Священного Писания, то катехизиса нового мира.

Географически по-прежнему далекая, Америка в двадцатые годы стала восприниматься в СССР не как полусказочный мир, куда дореволюционные подростки убегали к «индейцам», но как вполне досягаемая — хотя бы по работе — страна. В стихотворной повести Сергея Спасского «Неудачники», написанной в 1926–1927 гг., есть такая сцена, проходная, даже рутинная:

Гул поздравлений. Очень ловко
Муж получил командировку
В Америку. Как фейерверк
Его искристая карьера.
С ним рядом всякий нынче мерк.
Вокруг витала атмосфера
Удачи, благости, щедрот,
Улыбок. Сам он, как невеста,
Был мил. Ему смотрели в рот
И с чувством уступали место...
...Вино журчит струей беспечной.
— Так за отъезд, за добрый путь,
Вернуться и не утонуть.
Споткнувшись на последнем тосте,
Любезные прощались гости.

Что значит «вернуться и не утонуть»? Тогдашний читатель понимал это сразу, сегодняшнему нужны пояснения. Речь идет о гибели двух важнейших на тот момент советских представителей в Америке — первого директора торговой компании «Ам-торг» (сокращение по моде времени) Исаия Хургина и прибывшего ему на смену Эфраима Скланского, бывшего заместителя Льва Троцкого на посту председателя Реввоенсовета. 27 августа 1925 г. они утонули, катаясь на моторной лодке по озеру Лонг-лейк в штате Нью-Йорк. «Переплыв океан, он утонул в озере. Выйдя невредимым из Октябрьской революции, он погиб на мирной прогулке. Такова предательская игра судьбы», — пафосно заявил Троцкий в речи памяти соратника³.

О большевистской революции американцы узнали из первых рук — из переведенных и изданных в 1918 г. брошюр Ленина и Троцкого⁴. Книга «Десять дней, которые потрясли мир» (1919) сделала Джона Рида — богемного литератора и предприимчивого репортера, затем социалиста и военного корреспондента в Восточной Европе — звездой мирового масштаба и героем советской пропаганды, удостоенным погребения в Кремлевской стене. Несмотря на охоту на «красных» в последние годы администрации президента Вудро Вильсона, симпатии «активной фракции» американского общества — тех, кто интересовался политикой, обсуждал ее и пытался влиять на нее, — по большей части были на стороне «Новой России», как ее часто называли. Напротив, антибольшевистские книги эмигрантов, например «Социализм против цивилизации» (1920) и «Баланс советизма» (1922) Бориса Бразоля, особой популярностью и доверием не пользовались.

С началом НЭПа и активизацией контактов Советской России со странами Европы интерес американцев к «первому в мире государству рабочих и крестьян» еще более возрос. В конце декабря 1919 г. правительство выслало из США в «красную Россию» две с половиной сотни анархистов и социалистов на пароходе «Буфорд», прозванном «советским ковчегом». В 1923 г. в Москву отправились уже представители Капитолия — сенаторы Роберт Лафоллетт и Уильям Кинг, конгрессмен Гамильтон Фиш. На Красной

площади Фиш возложил цветы к могиле Джона Рида — не разделяя его убеждений, он почтил память приятеля, с которым некогда играл в Гарварде в футбол. В том же 1923 г. Америку посетил Сергей Есенин, два года спустя — Владимир Маяковский. Их мнение значило для советских читателей даже больше, чем мнение популярного Лафоллетта — для американских.

В 1922 г. в Москве обосновался корреспондент газеты «Christian Science Monitor» Уильям Генри Чемберлен, за 12 лет работы в СССР проделавший эволюцию от «розового» марксиста до ярого антикоммуниста. Аналогичный путь в те же самые годы прошел Луис Фишер, освещавший события в СССР для леволиберального еженедельника «Nation». Зато руководивший опять-таки в те же годы московским бюро «New York Times» англичанин Уолтер Дюранти писал о советских реалиях с неизменным восторгом. Его очерки, удостоенные в 1932 г. Пулитцеровской премии, возможно, повлияли на решение Франклина Рузвельта официально признать СССР.

За журналистами в Москву потянулись писатели, прежде всего левые. Американским «королем» советского книжного рынка двадцатых и начала тридцатых годов из здравствующих литераторов был Эптон Синклер, активно переписывавшийся с издательствами, писателями и критиками, но так и не приехавший посмотреть собственными глазами на «рождение нового мира» — в отличие от своего героя Ланни Бэдда. В 1927 г. Советский Союз в качестве почетного гостя посетил Теодор Драйзер, соперничавший с Синклером в популярности у советских издателей, а затем затмивший его. Пышный прием и большое путешествие по стране (всего 77 дней) за счет принимающей стороны понравились гостю, который, однако, не считал нужным скрывать негативные стороны увиденного: бюрократическую неразбериху, лень, хамство, бытовые неурядицы и отсутствие гигиены, что особенно травмировало избалованного комфортом визитера. Советская пропаганда могла стерпеть идейные разногласия и даже критику — представитель «старого мира» «заблуждался», «не разобрался», «не понял», — но не изображение культурной

и бытовой отсталости «условий человеческого существования». Поэтому книга «Драйзер смотрит на Россию» (1928) на русском языке впервые появилась только через шестьдесят лет.

В том же 1928 г. в Советский Союз приехал Джон Дос Пассос, романами которого «Манхэттен», «1919» и «42-я параллель» в переводах Валентина Стенича зачитывались в тридцатые годы, пока они не попали под запрет из-за «неправильной» позиции автора. Во время гражданской войны в Испании Дос Пассос выступил против «методов ГПУ, применяемых коммунистами», и участвовал в «Комиссии по расследованию обвинений, предъявленных Льву Троцкому на московских процессах», более известной как «Комиссия Дьюи», по фамилии председателя — знаменитого философа и педагога Джона Дьюи. Такое не прошло.

Это вступление необходимо для понимания контекста, в который предстоит поместить «советский опыт» американского писателя и журналиста Джорджа Сильвестра Вирека (1884–1962), «приключения мистера Вирека в стране большевиков», если перефразировать название знаменитой эксцентрической комедии Льва Кулешова «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков» (1924). «Приключения» Вирека были как раз вполне обычными. Но кто вы, мистер Вирек?

2.

Джордж Сильвестр Вирек родился 31 декабря 1884 г. в Мюнхене и звался Георг Сильвестр Фирек: будущий американский писатель был этническим немцем. Глядя из дня сегодняшнего, кажется, что в самых обстоятельствах его рождения заложена будущая связь с Советской Россией и с революцией. Его отец Луи Фирек* был депутатом Рейхстага от Социал-демократической

* Членов семьи, идентифицировавших себя с Германией и германской культурой, будем именовать Фиреками в соответствии с немецким произношением фамилии.

партии. С конца 1870-х гг. эта фамилия мелькает в переписке Маркса и Энгельса с соратниками, причем по конспиративным соображениям ее порой заменяет нарисованный четырехугольник (значение немецкого слова «Viereck»). Энгельс был шафером на свадьбе Луи Фирека и его двоюродной сестры Лауры Фирек в 1881 г. в Лондоне. Лаура родилась в США, куда ее отец Вильгельм Фирек — старший брат актрисы Эдвины Фирек, матери Луи, — эмигрировал в 1849 г. после поражения германской революции, в которой активно участвовал.

Среди социал-демократов Луи Фирек считался «умеренным», что позже привело к исключению из партии. Критикуя его политическую линию, Энгельс не раз отпускал в адрес Фирека ехидные замечания. «Этот человек хочет быть пай-мальчиком в глазах своего папаши. Но у папаши есть дела поважнее», — писал он Карлу Каутскому 6 сентября 1885 г. по поводу заявления Фирека, что император сделал бы для рабочих гораздо больше, если бы знал, как плохо они живут. «Фирек (в оригинале нарисован квадрат. — В.М.) неисправим, обращение его к папаше умилительно. Старик задаст ему трепку», — иронизировал Энгельс в письме к Герману Шлютеру две недели спустя⁵. Почему император Вильгельм I назван «папашей» депутата-социалиста? Потому что Луи Фирек, сын примадонны берлинской королевской сцены Эдвины Фирек, был внебрачным сыном будущего прусского короля (на момент его рождения — кронпринца) и первого кайзера Германской империи. Маркс 19 сентября 1879 г. в письме к Фридриху Зорге назвал его «внебрачным сыном германского императора»⁶, как будто речь шла о чем-то обыденном. Говорить об этом открыто в Германии было невозможно, но иностранные журналисты отмечали у Луи «внешность Гогенцоллерна» и многозначительно писали, что «его происхождение окутано некоей тайной»⁷.

Вот с такой причудливой наследственностью: с одной стороны, кайзер, с другой, Маркс и Энгельс, — Георг Сильвестр Фирек появился на свет. Собираясь в Москву 44 года спустя, он упомянул только вторую часть. Зато подружившийся с ним в начале

двадцатых годов экс-император Вильгельм II называл его «мой кузен», а в 1956 г. принц Луи Фердинанд Прусский, тогдашний глава дома Гогенцоллернов, поднял в его честь тост «за *наших* предков»⁸.

Годы младенчества будущего писателя совпали с недолгой карьерой его отца в Рейхстаге, которая завершилась арестом за участие в нелегальном собрании. Исключительный закон против социалистов («Закон против вредных и опасных стремлений социал-демократии») 1878 г. допускал представительство партии в Рейхстаге, но жестко ограничивал ее деятельность за его стенами. 4 августа 1886 г. Саксонский земельный суд во Фрейбурге приговорил группу социалистов, включая Фирека и Августа Бебеля, к девяти месяцам тюремного заключения. Депутатской неприкосновенности в тогдашней Германии не существовало, и Луи отправился в «Цвикауское богоугодное заведение», как его иронически называл Энгельс. «Помню, как в детстве я часто лепетал, когда кто-то спрашивал об отце: “Папа, Цвикау, далеко”, — вспоминал Вирек. — В Цвикау он в течение года сидел в одной тюрьме с Бебелем. Утомительные споры с ним в темной камере уничтожили веру отца в социализм. Он придерживался того, что сейчас называют “государственным социализмом”, но не мог переварить диктатуру пролетариата. Разногласия с Бебелем привели к его исключению из социалистической партии на съезде в Санкт-Галлене (в 1887 г. — *В.М.*). Разочаровавшись в общественной деятельности, он отказался от кресла в парламенте, предложенного ему группой либералов, и попытался найти себе место в сферах, далеких от политики»⁹.

Луи Фирек занялся журналистикой, однако к сорока пяти годам решил, что на родине достойного применения своим силам и способностям ему не найти, и в 1896 г. отправился искать счастье в Новом Свете. Годом позже за ним последовали жена и сын. Георг Сильвестр Фирек стал Джорджем Сильвестром Виреком. Его причудливая и богатая приключениями история подробно описана в моей книге «Джордж Сильвестр Вирек: больше чем одна жизнь» (М., 2015). Сейчас нас интересуют только ее русские, точнее советские, сюжеты.

Вирек впервые столкнулся с Россией в начале Первой мировой войны. Получивший славу первого американского декадента с выходом в 1907 г. книги стихов «Ниневия» и романа «Дом вампира», Джордж Сильвестр стал заметной фигурой социальной и культурной жизни германо-американцев, в частности боролся против «сухого закона». В 1912 г. он участвовал в избирательной кампании Теодора Рузвельта как кандидата в президенты от Прогрессивной партии и, видимо, тогда познакомился с сенатором Робертом Лафоллеттом; в той же кампании дебютировал в политике будущий конгрессмен Гамильтон Фиш. К 1914 г. Вирек, редактировавший популярный журнал «International», считался фигурой национального масштаба если не в политике, то в литературе и журналистике. Неудивительно, что с началом войны именно он возглавил издание еженедельника «Fatherland», противостоявшего проантантовскому большинству американской прессы под лозунгом «Честная игра для Германии и Австро-Венгрии». Российская империя как одна из ключевых держав Антанты сразу оказалась объектом пропагандистских атак «Fatherland» (в настоящем издании этому посвящена отдельная статья), однако вскоре направлением главного удара стала Великобритания и ее пропаганда.

3.

Февральская революция в России была встречена в Америке восторженно, особенно сторонниками вступления в войну на стороне «демократий» против Германии. Пропаганда представляла ее как триумф проантантовских сил против попыток сепаратного мира. Вирек интерпретировал события по-иному, с оттенком провокационности: «Картонный домик “союзников” рушится. Каковы бы ни были мотивы русских революционеров, они отправили паровой каток* на металлолом. Расколота изну-

* Расхожий образ русской армии в «союзной» пропаганде.

три страна не может успешно вести войну. <...> Русская революция означает для “союзников” начало конца. <...> Германия должна приветствовать революцию, если та освободит Россию. Сотрудничество с русским самодержавием отвратительно большинству немцев. <...> Союз с просвещенной Россией уже не кажется немыслимым»¹⁰.

Большевистский переворот вызвал у Вирека совершенно иные эмоции, особенно после выхода Советской России из войны, к тому же на выгодных для Германии условиях Брестского мира. Разрозненные высказывания о новой власти показывают, что отношение Джорджа Сильвестра к ней не было негативным. Когда его журнал «Viereck's. American Monthly» поместил переписку непризнанных «послов» в США — большевика Людвиг Мартенса и ирландского шинн-фейнера Патрика Мак-Картана, «New York Times» обвинила его в «симпатиях к режиму Троцкого-Ленина»¹¹. «Вы хотите устроить большевизм в Америке, чтобы облегчить бремя Германии?» — вопрошал его Эптон Синклер. «Я не большевик, — ответил Вирек. — Если русский народ желает большевизма, пусть сам выбирает себе правительство. Оно не может быть хуже того, к чему Россия привыкла. Большевизм — самый интересный эксперимент в истории, но мы слишком мало знаем, чтобы делать окончательные выводы о его будущем»¹².

Во время президентской кампании 1920 г. Вирек поддерживал кандидата республиканцев сенатора Уоррена Гардинга против демократов-«вильсонистов», но сам отдал сердце и голос 65-летнему социалисту Юджину Дебсу. Одни считали его идеалистом и борцом за народные права, другие смутьяном и демагогом, третьи изменником родины, но «никто, даже враг, не мог усомниться в его искренности»¹³ или обвинить в корыстолюбии. Дебс участвовал в президентских выборах, отбывая в тюрьме Атланты десятилетний срок за нарушение закона о шпионаже, точнее, за выступления против участия в «войне плутократов». Его участие вызвало у Вирека прилив энтузиазма, несмотря на политическую бесперспективность: «Если сомневаемся — проголосуем за социалиста. Небольшая доза здорового радикализма станет

противоядием шовинизму». «Лучше проголосовать за этого человека в тюрьме, чем за людей, отправивших его в тюрьму», — заключил он, целя в Вильсона, который заявил, что лидер социалистов — предатель и не выйдет на свободу до окончания срока¹⁴. Вирек призвал Гардинга в случае победы на выборах освободить Дебса, прямо указав на возможный положительный отклик Советской России, «с которой мы должны поскорее возобновить торговлю»¹⁵.

«Я не исповедую социалистическую веру, — пояснил Вирек в одном из первых писем Дебсу, — но отношусь к Вам как к великой личности и вождю людей, возможно, как мусульмане относятся к Христу, считая его пророком, но не будучи его адептами»¹⁶. «Вы должны быть социалистом, — ответил Дебс. — У Вас есть смелость отстаивать свои убеждения, Вы верны идеалам. Я восхищаюсь Вами, уважаю и люблю Вас». «Боюсь, мое общественное сознание недостаточно развито, — парировал адресат. — Меня больше беспокоит личная несправедливость, чем классовая. Я считаю человека символом чего-то более великого, чем он сам. Как Юджин Дебс Вы великий человек, но Вы еще более велики как символ того непобедимого, что есть в человеческой душе. Боюсь, я никогда не стану социалистом. <...> Я не приму никакую веру, экономическую или религиозную, без оговорок». Ограниченный тюремными правилами (одно письмо в неделю при условии не касаться политики), Дебс сообщил брату для передачи Джорджу Сильвестру: «Не могу разделить его взгляды на жизнь и человеческие отношения, но могу оценить и очень ценю его благородный дух, тонкую чувствительность и глубокое чувство справедливости». Он также послал ему свою фотографию с надписью «поэту, идеалисту, гуманисту». Только узкопартийные соображения помешали присутствию Вирека в антологии «Дебс и поэты» (1920), которую издал его идейный противник Синклер, однако он получил один из 500 экземпляров, которые герой книги, с разрешения тюремного начальства, подписал и отправил друзьям. Экземпляр книги был и в личной библиотеке Ленина: Синклер послал его Крупской¹⁷.

«Отношение Вирека к большевистской революции и к социализму Дебса было прагматическим, — суммировал его биограф Нил Джонсон. — У него не было принципиальных моральных или идеологических соображений ни против одного, ни против другого. Он верил, что идея частной собственности настолько твердо укоренена в западной цивилизации, что ее не вырвать. <...> Вирека мало волновала система управления государством. Его больше интересовала личность вождя. Динамичный лидер неизменно привлекал его. Когда в 1924 г. Ленин умер, Вирек посвятил ему панегирик в “American Monthly”»¹⁸. Эта «неизвестная страница иностранной Ленинианы» (как звучит!) впервые публикуется по-русски в настоящем издании.

Собирать и регистрировать иностранные публикации о Ленине в Советском Союзе начали сразу после смерти вождя мирового пролетариата. Это стало одной из задач Института Ленина, которому помогал Отдел печати НКВД, получавший заграничную периодику. «К подбору иностранной Ленинианы» привлекли и Бориса Пастернака, который рассказал об этом во вступлении к роману в стихах «Спекторский», связанному многими невидимыми нитями с упомянутыми выше «Неудачниками» Сергея Спасского:

Задача состояла в ловле фраз
О Ленине. Вниманье не дремало.
Вылавливая их, как водолаз,
Я по журналам понырял немало.
Мандат предоставлял большой простор.
Пуская в дело разрезальный ножик,
Я каждый день форсировал босфор
Малодоступных публике обложек.
То был двадцать четвертый год. Декабрь...

Работой занимался целый штат людей с надлежащим допуском, поскольку «буржуи» писали о Советской России и ее вождях, в том числе здравствовавших, отнюдь не в тоне «Правды»

или «Красной газеты». Попадал ли в библиотеку Наркоминдела вирековский журнал «American Monthly»? Допускаю, что не попадал, ибо не только не принадлежал к мейнстриму или классово близким, но имел одиозную репутацию продолжения наиболее известного прогерманского издания Нового Света «Fatherland»: издатель сам указывал на эту преемственность в выходных данных. Хотя мог и попадать.

Фамилию Вирека в Москве знали — во всяком случае, в управлении делами Наркомата по военным и морским делам и в Англо-американском отделе НКВД, поскольку в сентябре 1923 г. Джордж Сильвестр пытался через них получить интервью у Льва Троцкого в виде письменных ответов на вопросы (материалы об этом публикуются в настоящем издании). В качестве «верительных грамот» он приложил пять своих статей из хёрстовской газеты «New York American». Они появились за подписью «George F. Corners» — т.е. «George Four Corners», английский «перевод» немецкого «Viereck», — поскольку не все издатели и читатели были рады видеть фамилию бывшего главного пропагандиста кайзера в США. Очевидно, в числе пяти статей были три, посвященные непосредственно советским делам: «Россия восстанавливает частную собственность. Советы подправляют современную утопию, прививая капитализм к коммунизму» (5 августа 1923 г.); «Россия требует от рабочих 100 % эффективности. Советы запрещают забастовки на транспорте» (12 августа 1923 г.); «Россия возвращается к золотому стандарту» (19 августа 1923 г.)¹⁹. К сожалению, разыскать их пока не удалось.

К середине двадцатых годов Вирек приобрел славу «интервьюера класса люкс». Первым успехом на этом поприще можно считать интервью, которое он взял 20 февраля 1906 г. у «немецкого Мольера», знаменитого драматурга Людвига Фульды, всего через несколько часов после приезда того в Нью-Йорк. Вскоре большая статья о Фульде, основанная на этом интервью, появилась в «New York Times» — успех для молодого литератора даже с поправкой на то, что вместо полной подписи под ней стояли инициалы²⁰. Полугодовое пребывание в Европе с сентября

1922 г. по апрель 1923 г. ознаменовало начало нового витка карьеры Джорджа Сильвестра, воплотившегося в книгу «Блики великих» (1930). Вирековские интервью отличаются от того, что мы понимаем под этим словом сегодня. Это не стенографическая запись беседы, в которой отсутствует личность интервьюера, но, напротив, субъективный портрет говорящего, каким его увидел спрашивающий, хотя и с большим количеством закавыченной прямой речи.

В числе собеседников оказались «августейший кузен» экс-кайзер Вильгельм и его сын кронпринц Вильгельм, фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, избранный в 1925 г. президентом Германии, генерал Эрих фон Людендорф, канцлер Вильгельм Маркс, президент Рейхсбанка Ялмар Шахт, прозванный «Зигфридом германских финансов», Герхард Гауптман, Герман Кайзерлинг и Артур Шницлер. Коллекция не ограничивалась немцами. Здесь есть бывшие, действующие и будущие главы государств и правительств: Бенито Муссолини, Рэмзи Макдональд, Жорж Клемансо, Аристид Бриан; герои войны: маршалы Фердинанд Фош и Жозеф Жоффри; культовые фигуры эпохи: Бернард Шоу, Зигмунд Фрейд, Альберт Эйнштейн, Генри Форд. Интервью с последними перепечатываются до сих пор. В «Блики» не попало самое знаменитое — на сегодняшний день — вирековское интервью, взятое в 1923 г. в Мюнхене у провинциального националистического агитатора Адольфа Гитлера: автор просто забыл о нем. Среди часто задававшихся вопросов — отношение к большевизму и к Советской России. «За» были Бернард Шоу и Анри Барбюс. «Против» — по разным причинам — не только Гитлер и Муссолини, но и Гауптман и Шницлер.

Особое место среди «великих» занял великий князь Александр Михайлович, внук Николая I и двоюродный дядя Николай II, известный в семье под прозвищем «Сандро». Сейчас его помнят как первого командующего русской военной авиацией и как мемуариста — надежного свидетеля, остроумного и доброжелательного рассказчика. Двухтомные воспоминания великого князя, вышедшие в Париже по-русски в 1933 г., ранее появились

в США в английском переводе. Для переговоров об их издании автор в 1929 г. приезжал в Нью-Йорк, и Вирек не упустил возможность поговорить с ним. Желая привлечь внимание прессы и симпатии потенциальных читателей, Александр Михайлович не скупился на комплименты в адрес Соединенных Штатов, однако собеседник сделал акцент на его морально-политических убеждениях и потому назвал интервью «Душа великого князя» (публикуется в настоящем издании).

4.

Первым документированным обращением Вирека к советским вождям является попытка взять интервью в 1923 г. у Троцкого. «Демон революции» был ньюсмейкером мирового масштаба, но к активным действиям Джорджа Сильвестра, возможно, подтолкнула четвертая серия «Современных портретов» его друга, прозаика и публициста Фрэнка Гарриса, готовившаяся тогда к печати. «Всё, что он писал о великих людях своего времени, — утверждал издатель Эмануэль Халдеман-Джулиус, — верно по духу, даже если он вкладывал в их уста собственные слова. Если они не говорили дословно то, что Гаррис приписывал им, то вполне могли сказать. Читая его, вы видите живого человека, пусть даже в картине есть неточности»²¹. В книгу Гарриса вошли очерки «Отто Кан и Лев Троцкий» (нью-йоркский банкир немецко-еврейского происхождения Кан был знакомым Вирека и давал ему советы — не вполне удачно — относительно инвестиций) и «Русские делегаты в Генуе», перевод которых впервые публикуется в настоящем издании.

В «Бликах великих» несомненно влияние «Современных портретов», поскольку это тоже «портреты», основанные на личных впечатлениях автора. «Портретист» обещал включить Вирека в свою галерею, но не сдержал обещание. Зато Джордж Сильвестр поместил Гарриса в общество знаменитейших людей эпохи, хотя его репутация, и так не блестящая, была к тому

времени окончательно погублена скандальной автобиографией «Моя жизнь и любви».

Завершая в 1929 г. работу над книгой интервью, которая первоначально называлась «Люди и сверхлюди» — прямая отсылка к «Человеку и сверхчеловеку» Бернарда Шоу, — Вирек понял, что в ней не хватает советских вождей. Привыкший, что ему не отказывают, он пошел проторенным путем — обратился к дипломатическому агенту НКВД в США (фактически послу) Борису Сквирскому и к Уильяму Бора, председателю Внешнеполитического комитета Сената, считавшемуся на Капитолии самым влиятельным сторонником признания СССР. 26 апреля Сквирский сообщил Ольге Каменевой, возглавлявшей Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), о желании Вирека посетить СССР с целью «собрать некоторые материалы о руководящих деятелях нашего Союза для подготавливаемой им книги, основанной на ряде бесед с представителями разных стран». В тот же день рекомендательное письмо для Вирека написал Уильям Бора, чьи слова «имели больший вес, чем верительные грамоты Госдепартамента. В мае 1929 г. сенатор ежедневно писал в среднем по три таких письма для желавших поехать в Советский Союз, причем только для знакомых ему людей или по их рекомендации»²².

Впервые публикуемые в настоящем издании документы ВОКС из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) позволяют восстановить предысторию поездки Вирека в Москву в июле 1929 г., результатом которой стали три больших очерка для журнала «Saturday Evening Post», перевод которых составил основу этой книги. Они говорят сами за себя.

Визитер просил о встречах со Сталиным, «мадам Лениной» и «президентом» Калинин — гонорар за такие интервью мог покрыть расходы на поездку, — но потерпел полное фиаско. Сталин в то время редко принимал иностранцев-некоммунистов, о чем Джордж Сильвестр не забыл упомянуть, дав понять читателю, что лишь этим объясняется отсутствие ожидаемого интервью. Крупской не позволяли играть роль «первой вдовы»:

по расхожему анекдоту, вождь пригрозил ей «назначить вдовой Ленина Фотиеву или Стасову». Гостю пришлось довольствоваться заместителем наркома по иностранным делам Львом Караханом, который для американского читателя точно не являлся ньюсмейкером. Перед разговором с Виреком этот известный щеголь облачился в рабочую блузу и вызвал переводчика, хотя хорошо говорил по-английски. Карахан рассыпался в комплиментах американцам, подчеркивая, как много общего с ними у советских людей, но отказался обсуждать Муссолини и преимущества диктатуры пролетариата перед «диктатурой среднего класса». Директор правления Госбанка Виталий Коробков, «производящий впечатление способного и напористого делового человека», призывал американцев инвестировать в советскую экономику, уверяя в ее стабильности (экономические и социальные вопросы занимают в очерках важное место). Директор Института Маркса и Энгельса Давид Рязанов распорядился показать письма Луи Фирека к Энгельсу. Гость отметил, что хозяева не жалеют денег на покупку книг и документов по истории социалистического движения; передал ли он что-то институту — неизвестно. Заведующий отделом Англо-романских стран НКИД Самуил Каган, шестью годами ранее сообщивший в секретариат Троцкого, что ничего не знает о Виреке, усомнился, что собеседник напишет правду об увиденном, ибо под «правдой» понимал то, что соответствовало советской пропаганде. Думаю, то же самое говорил заведующий Отделом печати НКИД и будущий начальник Главлита Борис Волин (в Архиве внешней политики РФ должны быть записи бесед, но найти их мне не удалось). Похоже, Джордж Сильвестр не виделся ни с кем из деятелей литературы и искусства — во всяком случае, о них в очерках ни слова. Не по этой ли причине он не упоминается в отечественных работах о визитах иностранных литераторов в СССР?

Дальше Москвы и Ленинграда гости не уехали. Получив гору статистических материалов, Вирек отказался от осмотра образцово-показательных домов-коммун и роддомов, но хотел понять,

как живут обычные люди. Впечатления оказались безрадостными: «хвосты» и полуголодное существование большинства населения даже в крупных городах, нехватка обуви и одежды, «квартирный вопрос», слежка и повальная бюрократическая неразбериха. Всеобщая военная подготовка и тотальная пропаганда, направленная на молодежь, тоже не вызвали симпатий. В очерках нет ни капли высокомерия в отношении «азиатских орд», как в пропагандистских статьях времен Первой мировой войны, хотя отмечен «поворот к востоку», символически выразившийся в переносе столицы из Петербурга, которому осталось «медленно умирать», в Москву. Нет в них и насмешек над бедной и неустроенной жизнью, как у европейских заезжих гастролеров тех лет, но есть сочувствие к людям, которых политика властей поставила в такие тяжелые условия.

«Я честно сказал большевистским лидерам, — заявил автор, как будто кто-то в Москве интересовался его мнением, — что я не социалист, но сочувственно передам любое послание, которое мне доверят. <...> Трудно не восхищаться динамичной энергией большевизма и самоотверженностью отдельных его лидеров. Они кажутся такими честными, так стремятся объяснить — это вызывает к нашим самым добрым инстинктам. Только покинув Россию, снова обретаешь чувство перспективы и понимаешь подлинный характер трагического фарса под названием “коммунизм”, поставленного горсткой людей в Кремле. Я не стану замалчивать неудачу большевизма только из-за того, что некоторые его лидеры — очаровательные люди». «Большевизм не эффективен, — подытожил Вирек. — Несмотря на величие планов и энергию вождей, он не способен даже накормить собственный народ. Он превращает Россию в тюрьму». Автор назвал большевизм «обезумевшим самодержавием», Ленина — «восточным деспотом в душе», хотя и «гением», Сталина, которому отказал в «гениальности», — «царем в большевистском наряде». «Каждый американский доллар, инвестированный в Россию, — предупредил он, — дает большевикам доллар для вооружения и пропаганды против нашей системы цивилизации».

Впечатлениями поездки и размышлениями об увиденном в СССР навеяна одна из глав романа «Непобедимый Адам» (1932) — заключительной части «трилогии о бессмертных», написанной Виреком в соавторстве с Полом Элдриджем. Главным героем первой книги, «Мои первые 2000 лет. Автобиография Вечного Жида» (1928), стал не Агасфер предания или классической литературы, бесприютный старец, молящий о смерти как об избавлении, но вечно юный, полный сил человек по имени Картафилус, не знающий не только смерти, но и старости и немощей. Офицер стражи Понтия Пилата (Картафилус означает «привратник»), он не дал Иисусу отдохнуть по пути на Голгофу и услышал: «Ты будешь вечно скитаться, пока я не вернусь». Картафилус «законсервировался» в своем возрасте и теле, поэтому был вынужден менять место жительства, чтобы не вызывать подозрений вечной молодостью. В центр второго романа, «Саломея, Вечная Жидовка. Мои первые 2000 лет любви» (1930), сюжет которого параллелен сюжету первого, соавторы поместили внуку царя Ирода, проклятую вечной молодостью и вечным бесплодием.

Третьим героем трилогии оказался полуобезьяна-получеловек Котикокура — «вечный юноша двадцати лет, всегда страстный, всегда мятежный, всегда колеблющийся между поклонением герою и женщине, хвостун и ребенок», который «должен быть одновременно богом и обезьяной»²³. Бессмертный спутник Картафилуса, которого он называл «Катафа», за века общения с ним настолько цивилизовался, что мог выступать как барон-рыцарь, аристократ-джентльмен и советский ударник-физкультурник. В СССР «князь гаремов и любимец императриц» оказался «уязвлен, что женщина осмелилась отвергнуть» его, тем более что счастливым соперником оказался... трактор. Пораженный отсутствием у комсомольцев любовного томления и даже сексуального влечения, Котикокура обращается к ним с пламенной речью, за которую его объявляют «предателем, буржуем, шпионом, кулаком, нэпманом» и препровождают в ГПУ. Однако тайный знак рукой и упоминание Картафилуса чудесным образом выручают «непобедимого Адама», как и во всех остальных случаях.

5.

Именно антибольшевистские высказывания испортили репутацию Вирека. В межвоенные годы влиятельная леволиберальная интеллигенция США занимала открыто прокоммунистические и просоветские позиции, а служившие ее рупором нью-йоркские еженедельники «Nation» и «New Republic» воздействовали на мнение всей страны, поскольку значительную часть их аудитории составляли редакторы, журналисты, литераторы и педагоги, транслировавшие эти идеи дальше. Критиковавшие СССР издания Хёрста и Макфаддена, где главным образом сотрудничал Вирек, считались не просто реакционными, но бульварными. Между либеральной и коммунистической прессой существовало своего рода перекрестное опыление: журналы мейнстрима были открыты партийным агитаторам, благодаря чему их призывы приобретали аудиторию и респектабельность. «Коммунистическая Россия, особенно после 1929 г., оставалась единственным лучом света в сумрачной картине мира, какой она виделась либералам», — суммировал историк Дж. Мартин²⁴. Коммунисты убеждали читателей в правильности коминтерновских определений «фашизма» и в тождественности «антифашизма» и «демократии», объявив всё «не-коммунистическое» «потенциально фашистским».

Антикоммунисты решили дать бой. 5 марта 1930 г. Гамильтон Фиш, потомок старинной, богатой и влиятельной семьи, считавший свое политическое положение неуязвимым, внес проект резолюции, одобренный Конгрессом:

«Спикер Палаты представителей уполномочен назначить комитет в составе пяти членов Палаты для расследования: коммунистической пропаганды в Соединенных Штатах, особенно в наших образовательных учреждениях; деятельности и состава Коммунистической партии Соединенных Штатов и всех связанных с ней организаций; ответвлений Коммунистического Интернационала в Соединенных Штатах; торговой корпорации “Амторг”; газеты “Daily Worker”; всех организаций, групп и лиц, подозреваемых в подстрекательстве, призывах или поощрении

насильственного свержения правительства Соединенных Штатов или попыток ослабить нашу республиканскую форму правления путем возбуждения бунтов, диверсий или революционных беспорядков. Комитет должен представить Палате отчет о результатах расследования, включая рекомендации по законодательству, если сочтет их желательными»²⁵.

Вопрос о признании СССР и об официальных сношениях с ним не входил в компетенцию «комитета Фиша», как его окрестили газетчики, однако расследование деятельности «Амторга» прямо затрагивало советское присутствие в США. Работа комитета, допросившего 250 свидетелей, заслуживает отдельного исследования, поэтому ограничимся констатацией его целей. Предоставляя слово коммунистам во главе с их лидером Уильямом Фостером, кандидатом в президенты в 1924 и 1928 гг., и давая им возможность высказаться, Фиш стремился получить «из первых рук» доказательства того, что американские коммунисты: во-первых, присягают на верность не Соединенным Штатам, но Советскому Союзу, а значит, сознательно нарушают гражданский долг и служат другому государству; во-вторых, призывают к свержению существующего строя, а значит, являются государственными преступниками.

Судя даже по тем фрагментам стенограммы, которые Фиш привел в мемуарах²⁶, коммунисты и сочувствующие, вызванные для дачи показаний, держались уверенно, высказывались откровенно и даже дерзко по адресу правительства США и его институтов. Формально сказанного было достаточно для юридического преследования компартии, но на такой результат Фиш не рассчитывал. Он выстраивал логическую цепочку, которую стремился внедрить в сознание сограждан. Коммунисты — государственные преступники, причем сами сознаются в своих намерениях. Они служат другому государству — СССР, причем это государство враждебно США. Следовательно, его официальное признание прямо противоречит интересам США.

17 января 1931 г. комитет обнаружил 66-страничный отчет, в котором назвал целями коммунистической партии: «пропаганду

атеизма и искоренение религии; разрушение демократии, свободного предпринимательства и частной собственности; возбуждение забастовок, бунтов, диверсий, кровопролития и гражданской войны путем революционной пропаганды; злоупотребление гражданскими свободами и проникновение в средства массовой информации с конечной целью лишить американцев гражданских свобод и свободной прессы; призывы к мировой революции, которая установит всеобщую диктатуру пролетариата». Оснований для таких суждений в словах Фостера сотоварищи было достаточно. В отчете говорилось: «Комитет убежден, что лучшим и самым эффективным способом борьбы с коммунизмом в Соединенных Штатах является возможно более широкая огласка основных принципов и целей коммунистов, которые одинаковы во всем мире»²⁷.

Президент Герберт Гувер следовал курсу своих предшественников Уоррена Гардинга и Калвина Кулиджа на непризнание СССР. На время его пребывания в Белом доме такая возможность исключалась, но внутри- и внешнеполитическая ситуация делала возможной смену власти на выборах 1932 г. Приход демократов не означал автоматического поворота в сторону СССР, но возможность перемен во внешнеполитическом курсе не исключалась. Деятельность и выводы «комитета Фиша», преследовавшего идеологические и пропагандистские цели, подтверждали правильность курса на непризнание, что должно было усилить политические позиции его сторонников и дискредитировать оппонентов.

Одержавший победу на президентских выборах 1932 г. демократ Франклин Рузвельт взял курс на признание СССР «в ошибочной и наивной уверенности, что это широко распахнет двери для международной торговли»²⁸. Проблема «коммунистической пропаганды» стала особенно актуальной. Разногласия по вопросу признания СССР привели Фиша к разрыву отношений с Рузвельтом: по замечанию публициста Джона Флинна, президент «воспринимал любую критику своих действий как проявление враждебности лично к нему»²⁹. «Черную метку» получил и подержавший Фиша Вирек, особенно после того, как в июне-июле

1933 г. он поместил в журнале «Liberty» цикл статей «Красная паутина»³⁰.

Если Фостер заявил на слушаниях в Конгрессе, что его товарищи верны красному знамени, то собеседник Вирека — уличный агитатор — выступал под американским флагом. «На войне всё годится, — пояснил он. — Нас, коммунистов, учат использовать любые средства, лишь бы это служило нашей цели». Расследование «комитета Фиша» делало упор на идейной зависимости американских коммунистов от СССР и на подрывном характере их идеологии и деятельности. Вирек пошел дальше, поставив во главу угла организационную и финансовую зависимость местных «красных» от зарубежных центров: «Если бы тот юноша использовал собственные сбережения или получал помощь от американцев, он был бы всего лишь безобидным радикалом. Когда он получает указания и деньги от иностранного государства, враждебного нашей цивилизации и нашей форме правления, он становится угрозой для страны. <...> Каждое издание, заигрывающее с коммунизмом, каждый салонный большевик, проповедующий красные доктрины, — вольное или невольное орудие Советской России. Всем им отведена своя роль в тщательно разработанном мобилизационном плане Красной армии».

Свои утверждения Вирек подкрепил впечатлениями от поездки в Германию, считавшуюся главным «зарубежным центром» Коминтерна, в ноябре 1932 г. Собеседник из местных коммунистов заявил ему: «Мы бы сделали <свое> посольство <в США> центром бунтов и возмущений и использовали бы все средства для разжигания священной войны классов». «Никакая клятва советского правительства не мешает советскому послу превратить посольство в гнездо большевистских интриг, — отметил Вирек. — Приказы Третьего Интернационала сильнее любых приказов Комиссариата по иностранным делам». Этот аргумент против установления дипломатических отношений с СССР «комитет Фиша» не использовал, поскольку тогда речь об этом не шла. Ради получения официального признания советское правительство не скупилось на заверения о недопустимости

пропагандистской деятельности для его представителей и отказывалось брать на себя ответственность за действия Коминтерна как «международной общественной организации». Другим аргументом Вирека стала история похищения генерала А. П. Кутепова в Париже агентами ГПУ: «Будучи неотъемлемой частью советской системы, Чека или ГПУ появляется в любой стране, где есть советские посольства и консульства. Когда происходит похищение или убийство, когда вскрываются заговоры, в которых замешаны коммунистические консулы и посольства, консулов отзывают, но система сохраняется».

Говоря о «красной паутине» в США, Вирек опирался на данные «комитета Фиша» о проникновении коммунистов в армию, Национальную гвардию, Американский легион. Большую опасность он видел в том, что «коммунист сразу появляется там, где есть недовольство». К пропаганде наиболее восприимчивы негры, иммигранты, безработные, разорившиеся фермеры и ветераны войны. Они же восприимчивы к паническим слухам и дезинформации — орудие в руках «красных» агитаторов. «Коммунизм в США — это заговор, а не политическая партия», — суммировал автор.

Сотрудничество Вирека с Фишем продолжалось до осени 1941 г. Советская тематика в нем более не фигурировала, хотя оба оставались убежденными антикоммунистами. Поздравляя Джорджа Сильвестра с 70-летием в декабре 1954 г., экс-конгрессмен писал: «Вы предвидели опасность русского коммунизма и знали, что, если мы будем воевать с Германией, коммунизм окажется единственным победителем» (собрание В. Э. Молодякова). Однако ни разу не упомянул в мемуарах одиозную фамилию бывшего соратника.

6.

Первый биограф Вирека Элмер Герц в середине тридцатых годов спросил своего героя, какую форму правления тот предпочитает. «Олигархию, — ответил он полусуто, — если я один

из олигархов». «К какой форме общества вы испытываете наибольшую антипатию?» «К диктатуре пролетариата, — последовал уверенный ответ. — Потому что я — это я. Я не люблю улы и муравейники. Люди могут прожить при любой форме правления, но если выбор остается, то мой — не в пользу коммунизма». «А выбор остается?» «Возможно, нет. Коммунизм, как и другое зло, может оказаться неизбежным. Фашизм тоже может быть неизбежным злом в чрезвычайной ситуации. Но всё это не для меня»³¹. Биограф отнес Вирека к «людям, которым суждено быть уничтоженными в коллективистском или тоталитарном государстве, поскольку они слишком ярко воплощают противоречия нашего века»³².

Отрицательное отношение к любой форме тоталитаризма Вирек выразил в притче «Искушение Джонатана», опубликованной в конце 1937 г. и выпущенной отдельной книжкой (перевод впервые публикуется в настоящем издании). В том же духе выдержана его статья «Мы можем победить диктаторов в их игре» — иллюстрированный рассказ о культурном досуге и массовом спорте в Германии и СССР. «Все авторитарные страны прилагают отчаянные усилия, чтобы придать массам силу и радость, — заметил автор, обыгрывая название немецкой программы досуга трудящихся “Сила через радость”. — Массы без возражений принимают мощные дозы идеологии вместе со спортом и развлечениями». «Многое из того, что подходит Германии, не годится для нас, но полезно знать о сделанном в тоталитарных* странах. Большинство американцев уверено, что тоталитарные режимы держатся исключительно на силе. Они удивятся, узнав, что тоталитарное государство использует не только пушки, но и красоту». «Вслед за диктаторами нам стоит поощрять активные занятия спортом и поездки на отдых с максимальным комфортом за минимальную цену. <...> С нашими неисчерпаемыми ресурсами, — бодро заключил автор, — мы побьем диктаторов в их же игре и принесем демократии еще одну победу!»³³

* Вирек здесь использует слова «авторитарный» и «тоталитарный» как взаимозаменяемые.

Появившееся в 1940 г. в журнале Оклахомского университета «Books Abroad» и годом позже выпущенное отдельным изданием эссе «Семеро против человека» свидетельствовало, что позиция Вирека — по крайней мере, публичная — претерпела определенные изменения³⁴. «Семь мятежных духов нанесли человеческому сознанию раны, которые могут оказаться смертельными: Галилей, Лютер, Руссо, Дарвин, Маркс, Фрейд, Эйнштейн», — заявил былой поборник анархизма, свободомыслия и психоанализа, пояснив: «Галилей лишил человека достоинства, Лютер — морального закона, Руссо — дисциплины, Дарвин — божественности. Маркс поставил под угрозу собственность. Фрейд убил любовь. Оставался один мост в бесконечность, один выход — абстрактная наука. <...> Пришел Эйнштейн, и всё стало “относительно”», — суммировал автор, хотя сам Эйнштейн предупреждал его против подобной трактовки.

О Марксе Вирек писал: «Потерпев разочарование в сфере духа, человек ухватился за материальные ценности. Земля, которую он возделывал своими руками, плоды его физического и умственного труда принадлежали ему, пока на понятие о собственности не пала злоеущая тень Маркса. Карл Маркс и его ученики уничтожили самый смысл собственности. Отец современного социализма перенес контроль над богатством от тех, кто его создал и унаследовал, к политикам, манипулирующим государственной машиной. Даже прибыль больше не принадлежит человеку. Ее отбирает разрушительная налоговая система, призванная “уравнять” богатство. Однако марксизм делает богатых беднее, не делая бедных богаче; он приводит общество к самому нижнему общему знаменателю. Галилей, Лютер, Руссо, Дарвин не покушались на Капитал. Учение Маркса отбирает у человека символ его трудов и вознаграждение за них. Он больше не хозяин своего имущества ни на Небе, ни на Земле. Никакого заслуженного облегчения в старости, никакого контроля над своим имуществом, никакого обеспеченного будущего для детей. Человек лишен радостной возможности быть благодетелем своего народа, как Меценат или Рокфеллер.

Богатство становится преступлением, частная собственность — воровством. Диктатура *над* пролетариатом в облики диктатуры пролетариата отбирает у человека созданное им богатство, сбереженный им кусок хлеба, давая взамен камень бесчеловечной идеологии».

Что делать? «Тоталитарная идея может спасти нас от крушения в бурю; в трудной ситуации она может послужить временным убежищем странам и людям». Однако в финале автор попытался «сдать назад»: «Коллективизм как конечная цель несовместим с человеческим достоинством. Коллективизм, если только он не примет неведомые сейчас формы, означает конец любого прогресса и навеки низводит человека до состояния насекомого, которое платит за упорядоченную жизнь полной потерей индивидуальности. <...> Лично я предпочитаю благородное прошлое и менее бесславное будущее». Несмотря на одиозность книжки, в отдельном издании которой он назвал Гитлера «великим», Вирек дарил ее и после войны. Однако, посылая в 1956 г. экземпляр своему новому другу Томасу Хэду, надписал его: «Я не всегда согласен с самим собой». Эти слова можно поставить эпиграфом ко всей его жизни.

В настоящем издании впервые собраны основные произведения Вирека о Советской России, к которым составитель добавил несколько текстов авторов из его ближайшего окружения. Рассчитанные на широкого читателя очерки Вирека не требуют подробных примечаний. Составитель не верифицировал приводимые автором цитаты и статистические данные, полученные из официальных советских источников, но счел нужным вставить в текст некоторые пояснения, заключенные в квадратные скобки. Сведения об упомянутых лицах, в том числе об их отношениях с автором, даны в аннотированном указателе имен, составленном по принципу «меньше об известных, больше о малоизвестных».

Примечания

¹ Подробнее: Россия и США: экономические отношения, 1917–1933. М., 1997.

² Сталин И. Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 187–188.

³ [Электронный ресурс]. Троцкий Л. Д. Перед историческим рубежом. Политические силуэты. — Режим доступа: <https://public.wikireading.ru/111255> — Дата обращения: 14 февраля 2019 г.

⁴ Lenin N. The Soviets at Work. N.Y., 1918; Trotsky L. Our Revolution. On Working Class and International Revolution. N.Y., 1918; Trotsky L. The Bolsheviks and World Peace. N.Y., 1918.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 36. М., 1964. С. 304, 308.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 34. М., 1964. С. 326.

⁷ Social Democrats in the Reichstag // Harper's New Monthly Magazine. Vol. LXXI, № CCCCXXIII (August 1885). P. 349.

⁸ Свидетельство очевидца Питера Вирека, сына Джорджа Сильвестра: Reiss T. Orientalist: Solving the Mystery of a Strange and Dangerous Life. Westminster, 2006. P. 289; Gertz E. The Odyssey of a Barbarian: The Biography of George Sylvester Viereck. Amherst, 1978. P. 301.

⁹ Viereck G. S. My Flesh and Blood. N. Y., 1931. P. 240–241.

¹⁰ Viereck's. An American Weekly. Vol. VI. № 8. P. 123.

¹¹ Viereck's. An American Monthly. Vol. X. № 4. P. 111; New York Times. 1919, 02.06.

¹² Viereck's. An American Monthly. Vol. X. № 5. P. 149.

¹³ Эдвин Маркэм (поэт и друг Вирека) в кн.: Ruth Le Prade (ed.). Debs and the Poets. Pasadena, 1920. P. 43.

¹⁴ Обе цитаты Вирека: Johnson N. M. George Sylvester Viereck: German-American Propagandist. Urbana, 1972. P. 85–86.

¹⁵ Цит. по: Gertz E. The Odyssey of a Barbarian. P. 173.

¹⁶ Два письма Вирека и одно письмо Дебса: Letters of Eugene V. Debs. Vol. III. 1919–1926. Urbana-Chicago, 1990. P. 30–31, 145–147, 295; письма и материалы из примечаний к ним цит. без сносок.

¹⁷ Библиотека В. И. Ленина в Кремле. М., 1961. С. 617 (№ 7654); Любарская А. М. Горас Тробел. Слава и забвение. Л., 1980. С. 219–224.

¹⁸ Johnson N. M. George Sylvester Viereck: German-American Propagandist. P. 148.

¹⁹ Russia Restores Private Property: Soviets Revise Modern Utopia by Grafting Capitalism on Communism; Russia Demands Labor 100% Efficient; Soviet Bans Transportation Strikes; Russia Returning to Gold Standard.

²⁰ G. S. V. Ludwig Fulda — The German Poet-Dramatist and His Work // New York Times. 1906, 25.02.

²¹ Haldeman-Julius E. My Second 25 Years. Instead of a Footnote. An Autobiography. Girard, 1949. P. 82.

²² McKenna M. C. Borah. Ann Arbor, 1961. P. 296.

²³ Viereck G. S., Eldridge P. The Invincible Adam. London, 1932. P. 411.

²⁴ Martin J. J. American Liberalism and World Politics, 1931–1941. N. Y., 1964. P. 563.

²⁵ Цит. по: Fish H. Memoir of an American Patriot. Washington, 1991. P. 41.

²⁶ [Электронный ресурс]. Hathitrust Digital Library. — Режим доступа: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=umn.31951d02174674p#view=1up;seq=4>. — Дата обращения: 14 февраля 2019 г.; [Электронный ресурс]. Internet Archive. — Режим доступа: https://archive.org/stream/investigationofc19310105unit/investigationofc19310105unit_djvu.txt. — Дата обращения: 14 февраля 2019 г.; Фрагменты показаний У.З. Фостера: Fish H. Memoir of an American Patriot. P. 42–45.

²⁷ Fish H. Memoir of an American Patriot. P. 47.

²⁸ Там же.

²⁹ Flynn J. T. The Roosevelt Myth. N. Y., 1965. P. 115.

³⁰ Viereck G. S. Web of the Red Spider // Liberty. 1933. 17.06, 24.06, 01.07, 08.07; далее цит. без сносок.

³¹ Gertz E. The Odyssey of a Barbarian. P. 208.

³² Там же. P. 3.

³³ Viereck G. S. We Can Beat Dictators at Their Own Game // Nation's Business. 1938. April.

³⁴ Viereck G. S. The Seven Against Man. Scotch Plains, 1941; далее цит. без сносок. Впервые: Books Abroad. Vol. 14. № 3 (Summer 1940).

I

Россия топчется на месте

Бледная маленькая чиновница подняла глаза. «Распишитесь», — устало, но твердо промолвила она.

«Я не умею писать», — сказала крестьянка, порывисто вскинув голову в платке.

«В таком случае вы не можете выйти замуж».

Светловолосый жених, высокий, хорошо сложенный юноша в рабочей спецовке, одетый бедно, но аккуратно, молча наблюдал. Он уже расписался в реестре. В свои двадцать девять лет он успел дважды развестись. На вопрос о роде занятий он ответил: «Безработный». Девушка назвалась «сельскохозяйственной работницей».

Все, кто присутствовал в помещении, в том числе другие пары, ждущие своей очереди сочетаться браком, убеждали девушку расписаться в бланке, протянутом ей чиновницей. Девушка то ли упрячилась, то ли кокетничала, и все твердила, что не умеет писать.

В соседней комнате советская власть подсчитывала число умерших и новорожденных. А в следующей проворачивали свое дело жернова разводов. Над всем этим сардонически улыбался со своего почетного места бюст Ленина. А еще выше сияли серп, молот и пятиконечная звезда — символы Новой России.

Юная крестьянка, которую, наконец, убедили, неуклюже примерялась взять перо, когда странная, словно потусторонняя мелодия донеслась снаружи и отвлекла мое внимание. Что-то было в этой унылой и однообразной песне, какая-то пронзительная прелесть, напоминавшая бурлацкую «Эй, ухнем!»

«Что это?» — спросил я своего русского гида.

«Должно быть, — ответила она, — рабочие несут тяжелую мебель или станок. Они всегда поют, когда работают!»

«Но мне кажется, что это детские голоса».

Моя наставница подошла к окну.

«Верно, — сказала она, — это малолетние арестанты в милицейском участке.

«А что они поют?» — поинтересовался я.

«Они поют “Дайте хлеба, дайте хлеба”, — ответила она, — они голодные».

Я подошел к окну. Участок находился в некотором отдалении. Лиц детей было не разглядеть. Они продолжали петь: «Хотим хлеба, хотим хлеба».

«Это беспризорники?» — поинтересовался я.

«Беспризорников у нас больше нет», — ответила моя провожатая.

Беспризорные дети России

Годами триста тысяч детей в возрасте от шести до шестнадцати лет — сироты революции — представляли для советского правительства одну из серьезнейших проблем. Их родители умерли, а остальным до них не было дела. Эти дети не хотели оставаться в школах. Они были подобны одичавшим зверькам, которые когда-то были домашними. Пристрастившись к бродяжничеству, они жили попрошайничеством и воровством. Морозными ночами они спали на улицах у огромных открытых печей.

«Что случилось с беспризорниками?» — поинтересовался я.

«Одни умерли; других власти собрали в бывших монастырях, откуда просто так не сбежишь. Мы держим их там до тех пор, пока они не научатся какому-нибудь ремеслу».

Из других источников я получил верные сведения о том, что отдельные шайки — остатки некогда огромной армии — продолжают выживать.

Не знаю, были ли дети, которых я встретил, такой шайкой бродяг-отщепенцев. Душой я был с ними. Кем бы они ни были, они страдали от голода.

Не в силах помочь, я отступил от окна в глубь помещения, где ЗАГС — государственное учреждение, ведающее гражданскими делами — связывал и развязывал брачные узы. С блокнотом в руках я слушал, как выполнялась процедура, но унылое детское пение все еще доносилось из-за окна.

Наконец девушка-крестьянка нацарапала закорючку в регистрационной книге. По-видимому, писать она все-таки умела. Может, стеснялась демонстрировать неуклюжесть своих каракуль на глазах у иностранцев... Бедняжке было невдомек, что в глазах большевистского закона ее брак будет столь же действителен и без регистрации. Молодожены решили пуститься по волнам супружеской жизни под фамилией жениха. Следующая пара предпочла фамилию невесты. Никто не замечал нескончаемого детского пения. Невесты, женихи и служащие были слишком погружены в собственные дела, а может быть, их сердца зачерствели из-за того, что подобное происходит слишком часто.

Без обуви

Вдруг пение смолкло, так же неожиданно, как и началось. Я подошёл к окну. Однако не увидел их даже мельком, даже какого-нибудь взъерошенного затылка. Дети исчезли. Полная тишина. Наверное, их куда-то увели. В положении заключенных было одно преимущество — они получали хлеб без хлебных карточек. Дети исчезли, но мелодия их песни осталась со мной. Она до сих пор звучит в моей памяти. Эти маленькие голодающие символизируют Россию. Россия хочет хлеба. Но она поет, даже когда страдает от голода.

В памяти запечатлелась еще одна сцена. В скором поезде Варшава — Москва мелкая пыль, поднимающаяся от непокрытой гравием железнодорожной насыпи, проникала в наши глотки

и легкие. Смешиваясь с паровозной копотью, она оседала на нашей одежде и лицах. Она покрывала наши постели. Она сыпалась в наш чай. Она едва давала дышать. Несколько более просторное, благодаря широкой колее русских железных дорог, купе не компенсировало тех мук, которые нам пришлось вынести. Я узнал, что многие спасаются, прикрывая рот и нос марлей. Никогда в жизни не поеду этой дорогой летом, разве что в противогазе.

Не в силах спать, мы с женой выходили в тамбур на каждой остановке, чтобы полюбоваться происходящим внизу. На одной из станций — явно в маленьком захолустном городке — мы видели, как горожане или окрестные крестьяне прощались с парнем, решившим отряхнуть со своих ног прах родных мест и перебраться в столицу. Следует отметить, что на ногах, с которых он отряхивал этот самый прах, не было обуви. Его бородатый отец и все остальные бородатые родственники мужского пола по русскому обычаю целовали юношу в щеки, пока едва не погребли его под грудой своих ласк. Некоторые были в меховых шубах — вероятно, единственном своем одеянии, другие в свободных рубахах, а третьи и вовсе в неопикуемых лохмотьях. Наши взгляды вновь обратились к их нижним конечностям. Ботинок не было ни у кого. Вместо обуви все они ловко оборачивали ноги каким-то тряпьем. Я видел, как многие, и мужчины, и женщины, прибежали к подобным ухищрениям и в больших городах. Даже в Москве многие, в остальном вполне аккуратно одетые мужчины, ходили босиком. России не хватает не только хлеба, но и одежды с обувью.

В России проживает 150 миллионов человек. У многих, если не у большинства, нет обуви. Импорт запрещен или жестко ограничен. Сама Россия в 1928 году произвела лишь 20 миллионов пар обуви для 150 миллионов пар ног. За тот же период российский гигант «Резинотрест» выпустил 40 миллионов пар галош — едва-едва достаточно для того, чтобы снабдить резиновой парой каждого четвертого жителя.

Текстильные фабрики в России, работая по три смены в сутки, оказываются не в состоянии удовлетворить внутренний спрос. Правительство не позволяет импортировать текстиль. Качество

отечественной продукции — хуже некуда. Правительство принуждает фабрики выпускать обмундирование для Красной армии. Красноармейцы одеты сравнительно неплохо и хорошо оснащены. Но простому народу, особенно в сельской глубинке, едва хватает тряпья для того, чтобы прикрыть наготу.

Это отнюдь не преувеличение. Это подтверждается наблюдениями многих путешественников и подкрепляется статистическими данными советского правительства.

В Москве и Ленинграде условия получше. Каждый носит то, что ему по душе. Замечаешь дам, одетых как с картинки — по моде 1890 года! Наряды изрядно поношены, и никто не рефлексирует по поводу того, что одежды эти, вероятно, с плеча какого-нибудь сгинувшего представителя аристократии. Рабочие носят блузы с наглухо застегнутым воротником. Такая блуза позволяет скрыть отсутствие других предметов гардероба.

Нехватка текстильной продукции и обуви объясняет тщательность, с которой на границе таможенники досматривают чемоданы каждого возвращающегося на родину русского. Если кто-то привез больше двух пар обуви, излишек неукоснительно замечают. Каждую лишнюю пару либо конфискуют, либо облагают изрядным налогом.

Когда моя жена открыла чемоданы, таможенники, по-видимому, были удивлены количеством ее одежды. «Вы везете эти платья кому-то в России?» — вежливо поинтересовались служащие таможни.

Но услышав, что я американский журналист, они прекратили расспросы и едва взглянули на чемоданы.

На вокзале, где шла проверка багажа, я рассчитывал заказать обед, но в итоге смог разжиться лишь несколькими ломтиками сыра, бекона и довольно грубой ветчины. Хлеб был темный и горький. На следующее утро в поезде единственным напитком, который можно было раздобыть, оказался чай.

Вернувшись на свои места, мы попытались зажечь электрическую лампу в ванной комнате, расположенной между нашими купе. Мы нажимали кнопку, но света не было. Позвали

проводника — симпатичного юношу с услужливыми манерами — и рассказали ему о нашей проблеме. Он некоторое время изобразил, что пытается исправить поломку, но проблема, в чём бы она ни заключалась, оказалась неразрешима. Юноша вкрадчиво улыбался, раздражаясь бесконечным потоком невразумительных пояснений. В конце концов, снова улыбнувшись, он пожал плечами и мягко произнес: “Nitchevo”.

Ключ к русскому характеру

Nitchevo означает «это всего лишь пустяки». Русский эквивалент выражений “I should worry” («Это меня не слишком беспокоит». — *Пер.*) или “Never mind” («Не обращайтесь внимания». — *Пер.*). Выражение Nitchevo впечатлило даже Бисмарка. Ничто не демонстрирует русский характер совершеннее, чем Nitchevo. Я не стал бы записывать этот случай, сам по себе пустяковый, не характеризуй он ситуацию в России и отношение русского народа.

Ценные здания разваливаются из-за того, что никто не удосуживается покрыть их стены краской. Фабрики завалены мусором, однако столицу тщательно содержат в чистоте. В других местах повсеместно и безраздельно царят небрежение и неряшливость. Дорогостоящее оборудование, завезенное из других стран, простаивает неделями из-за отсутствия единственной детали — зачастую буквально какого-нибудь винтика. Барьеры, поставленные на пути импорта, сочетаясь с ленью русского характера, становятся причиной невероятных задержек, платой за которые становится голод.

Наше купе в поезде при всем его дворцовом убранстве было запущенным и изрядно обшарпанным. То же самое можно сказать о жилых домах, гостиницах, фабриках и мастерских Москвы и Ленинграда. Остро не хватает не только продовольствия и одежды, но и оборудования. Россия просит продовольствия, хлеба и станков, а в ответ ей дают, пусть не камень, но брошюру о большевизме! Некоторые из ее несчастий являются следствием войны и революции. Причины других неотделимы от свойств

русского человека. Но главный виновник бед — упрямство большевистского правительства, которое позволяет России превращаться в руины ради подтверждения экономической теории, противоречащей опыту человечества. Советы из всех сил пытаются восстановить потери прошлого. Они прибегают ко всем мыслимым усилиям, чтобы вывести людей из летаргического сна. Но в то же время они отказываются, за исключением отдельных краткосрочных уловок, даже рассматривать возможность малейшего отклонения от теорий Карла Маркса.

«Россия, — заметил мне высокопоставленный член правительства, — так же богата, как Америка».

«И как вы намереваетесь использовать ваши богатства?»

«Перенимая американские темпы».

На мой взгляд, это все равно что пытаться припрячь осла к паровозу. Разница между американским и русским характером — это разница между «Отлично!» и Nitchivo.

Американский специалист-механик, которого вызвали для ремонта оборудования после растянувшихся на несколько месяцев переговоров, был вынужден прождать в Москве три недели, прежде чем смог встретиться с ответственным работником, по вызову которого проделал утомительное путешествие. Я частенько встречал его в холле гостиницы. С каждым днем он выглядел все более разочарованным. Но однажды утром он озарил меня сияющим взглядом.

«Завтра уезжаю», — сказал он.

«А как же ваша работа?»

«А-а, — отвечал он, — с ней я уже справился. Это заняло ровно два часа».

Без пристанища

Могу поделиться и собственной историей. Я отправил в ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами СССР — телеграмму с просьбой забронировать для меня двухместный номер с ванной.

Джордж Сильвестр Вирек

ПЛЕННИКИ УТОПИИ

Советская Россия глазами американца

Перевод с английского *М. А. Ковалев, В. Э. Молодяков*

Составление *В. Э. Молодяков*

Корректор *В. Т. Мусбахова, Т. В. Шапошникова*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки *М. А. Девлин*

Подписано в печать 01.11.2019. Формат 60×90¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 16. Заказ № 1934. Тираж 1000 экз.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86

Знаменитый американский писатель и журналист Джордж Сильвестр Вирек (1884–1962) в июле 1929 года приехал в Советский Союз, чтобы своими глазами увидеть «великий эксперимент» и взять интервью у Сталина и Крупской («мадам Ленин»). Из Москвы он вернулся антикоммунистом: интервью не получил, увиденным не восхитился, хотя признал многие достижения, простому народу посочувствовал. Впервые на русском языке публикуются очерки Вирека о поездке СССР и другие связанные с ней материалы.

«Я приехал как друг русского народа. Я восхищаюсь его достижениями, в уме я могу симпатизировать его стремлению выстроить новую цивилизацию, однако честность требует записывать свои впечатления без прикрас».

«Только покинув Россию, снова обретаешь чувство перспективы и понимаешь подлинный характер трагического фарса под названием «коммунизм», поставленного горсткой людей в Кремле. Я не стану замалчивать неудачу большевизма только из-за того, что некоторые его лидеры — очаровательные люди. Я не могу сказать, что большевизм успешен только потому, что я убежден в их искренности... Большевизм не эффективен. Несмотря на величие планов и энергию вождей, он не способен даже накормить собственный народ. Он превращает Россию в тюрьму. Большевизм — обезумевшее самодержавие».

George Sylvester Viereck

ISBN 978-5-9071-1622-1

9 785446 916221